

ИЮЛЬ
2026

Китай в Кыргызстане и Таджикистане

от экономического присутствия
к новой роли в сфере
безопасности

Центр
Россия/Евразия

Роллан ИСМАИЛ

Французский Институт Международных Отношений (Ифри) является ведущим независимым центром исследований, информации и общественных дебатов в области актуальных международных вопросов во Франции. Он был создан в 1979 году Тьерри де Монбриалем и имеет статус общественно значимого Фонда (декрет от 16 ноября 2022 г.). Институт не подчинен какому-либо административному органу, самостоятельно определяет направления своей деятельности и регулярно публикует результаты своих исследований.

Мнения и аналитические выводы, изложенные в данном документе, являются исключительно мнением их авторов. Они не могут представлять или отражать позицию организации, возглавляющей исследование, Главного управления по международным отношениям и стратегии или Министерства вооруженных сил.

ISBN: 979-10-373-1251-8

© Все права защищены, Ifri, 2026

Обложка: © Wikimedia Commons/Shutterstock.

Прочитать публикацию:

Роллан Исмаил, «Китай в Кыргызстане и Таджикистане: от экономического присутствия к новой роли в сфере безопасности», *Russie.Eurasie.Visions*, № 142, Ифри, июль 2026 г.

Ifri

27 rue de la Procession 75740 Paris Cedex 15—FRANCE

Tel.: +33 (0)1 40 61 60 00—Fax: +33 (0)1 40 61 60 60

Email: accueil@ifri.org

Веб-сайт: ifri.org

Russie.Eurasie.Visions

Электронная коллекция Центра *Russia.Eurasia.Visions* (ранее *Russia.Nei.Visions*) заняла прочное место среди международных аналитических публикаций. Ее статьи регулярно выходят на трех языках (французском, английском и русском). Опираясь на сеть признанных экспертов, а также перспективных молодых исследователей, она предлагает оригинальные аналитические материалы, предназначенные для лиц, принимающих решения, исследователей, а также для широкой общественности, интересующейся международными отношениями.

Редакционная коллегия

Главный редактор: Татьяна Кастуева-Жан

Заместитель главного редактора: Димитри Миник

Помощник редактора: Натан Батай

Подписка и контакты: Мари-Льесс де Шапт

Об авторе

Роллан Исмаил—китаевед, эксперт частного аналитического центра в одной из стран Центральной Азии. Его исследования сосредоточены на эволюции стратегии Китая в регионе в контексте более широких дискуссий о многополярности и трансформации международного порядка.

Краткое содержание

Наблюдаемый в течение более трех десятилетий рост влияния Китая в Центральной Азии в последние 3-5 лет перешёл в ещё более ускоренную стадию. После 2022 года китайские власти фактически пересмотрели свою стратегию и тактику в регионе. Настоящий доклад демонстрирует, как Пекин выстраивает собственную архитектуру безопасности в регионе, наращивая влияние на внутривнутриполитическую устойчивость государств и постепенно размывая статус традиционных внешних гарантов.

На примере Таджикистана и Кыргызстана исследование раскрывает практические механизмы формируемой стратегии КНР. В работе делается вывод, что секьюритизация китайского влияния ведет к нарастанию скрытой конкуренции в рамках российско-китайского партнёрства и формирует возрастающие вызовы для государств региона. Усиливающаяся зависимость от ресурсов и политической поддержки Пекина требует от центральноазиатских республик поиска новых форматов защиты своей стратегической автономии в условиях меняющегося баланса сил.

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	6
ОТ ИНВЕСТИЦИЙ К СТРУКТУРНОЙ ЗАВИСИМОСТИ	9
ЭВОЛЮЦИЯ КИТАЙСКОЙ СТРАТЕГИИ БЕЗОПАСНОСТИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	13
Стабилизация СУАР и архитектура «шанхайской пятерки» (1990 начало 2000 х гг.)	13
Афганский фактор и физическое закрепление в регионе (2000 – 2010 -е гг.).....	14
Коммерциализация безопасности	16
Экспорт вооружений и подготовка военных элит.....	18
ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КИТАЙСКОГО ПРИСУТСТВИЯ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ (С 2022 Г. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)	19
Цифровая секьюритизация	19
Спутниковая навигация Beidou	21
Монополия в сфере телекоммуникаций	21
КОНТУРЫ СОПЕРНИЧЕСТВА С РОССИЕЙ	23
СЛОЖНЫЙ БАЛАНС	28
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	30

Введение

Центральная Азия сегодня вновь играет все более заметную роль в международных процессах, что во многом обусловлено обострением конкуренции внешних игроков за стратегическое влияние на Евразийском континенте. На этом фоне тезис о «растущем влиянии Китая» стал общепринятым нарративом, однако, на наш взгляд, эта формулировка уже не в полной мере отражает сложность и глубину текущих процессов. Вернее будет сказать, что в последние годы, особенно после 2022 г., мы наблюдаем качественно новый процесс стратегического расширения инструментов и сфер влияния Китая в Центральной Азии. Эта трансформация обуславливается рядом катализирующих факторов:

Прежде всего, в результате целенаправленной стратегии Китай трансформируется из сугубо экономического партнёра в значимого политического актора и в отдельных случаях в провайдера безопасности. Пекин выходит за пределы традиционных сфер торговли и импорта энергоресурсов, переходя от контроля над цифровой и критической инфраструктурой к постепенной экспансии в сферу региональной безопасности и военно-технического сотрудничества.

Во-вторых, происходит глубокая институционализация китайского присутствия через формат С5+С (Центральная Азия+Китай), который сегодня превратился в ключевой механизм взаимодействия Пекина со всеми пятью странами региона на уровне глав государств.

В-третьих, подобно России в предыдущие десятилетия, Китай начинает уделять повышенное внимание внутриполитическим процессам в странах Центральной Азии, осознавая, что для реализации его долгосрочных интересов критически важно сохранение лояльных Пекину политических режимов и элит. Хотя пока Китай не имеет такого же политического влияния как Москва, тем не менее тенденция состоит в постепенном переходе Пекина от модели преимущественно экономического присутствия к более комплексной стратегии обеспечения своих позиций в регионе. Речь в данном случае идет не о прямом вмешательстве по российскому образцу, а о наращивании инструментов косвенного влияния, включающее расширение контактов с правящими элитами, усилении партийных связей, продвижение управленческих и цифровых решений, связанных с контролем, безопасностью и госуправлением. Для Китая устойчивость центральноазиатских режимов важна не только как условие защиты инвестиций и транспортно-логистических маршрутов, но и как

гарантия недопущения мобилизации на основе антикитайских настроений в обществе, роста национализма и проникновения внешних конкурирующих сил. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что в ближайшие годы Пекин будет осторожно, но последовательно усиливать свое присутствие именно в чувствительных сегментах внутренней устойчивости государств региона, повышая тем самым их зависимость от китайских ресурсов, технологий и политической поддержки.

В-четвертых, несмотря на декларируемое стратегическое партнёрство Москвы и Пекина, столь заметное расширение китайского влияния в Центральной Азии объективно создает предпосылки для скрытых противоречий с интересами России. По мере того, как Китай выходит за рамки торговли, инвестиций и инфраструктуры и начинает закрепляться в сферах, традиционно считавшихся зоной преимущественного российского присутствия, пространство для негласной конкуренции неизбежно расширяется. Для Москвы это означает постепенное размывание ее исключительного статуса ключевого внешнего гаранта региональной безопасности, тогда как для Пекина это возможность постепенно втянуть страны региона в собственную экосистему безопасности. В результате мы фиксируем формирование новой модели, при которой внешне сохраняется координация и взаимная поддержка между Россией и Китаем, однако на практическом уровне усиливается осторожное соперничество за глубину доступа к элитам, влияние на стратегические решения и определение долгосрочной конфигурации регионального порядка.

Наконец, указанные процессы вызывают неоднозначную реакцию в самих странах региона. Рост присутствия Китая предоставляет не только новые экономические возможности, но и формирует вызовы национальной безопасности, усиливая структурную зависимость и, соответственно, сужая пространство для стратегического маневра.

С учетом сказанного, в настоящем докладе анализируются тенденции и факторы, отражающие качественное расширение стратегического влияния Китая в Центральной Азии. Особый акцент делается на действиях, предпринимаемых как Пекином, так и государствами региона. В качестве ключевых примеров рассматриваются кейсы Республики Таджикистан и Кыргызской Республики. Сегодня эти страны фактически выступают полигонами для апробации новых методов и инструментов китайской стратегии, наглядно демонстрируя рост влияния КНР, в том числе в чувствительных сферах безопасности. Анализ ситуации в этих республиках позволяет наиболее чётко зафиксировать признаки скрытой конкуренции, которая в перспективе может привести к формированию новых точек напряжения между традиционными и новыми внешними игроками в регионе.

В то же время, на данном этапе усиление влияния Китая не означает автоматического вытеснения России из Центральной Азии. Москва имеет устойчивые позиции, которая сегодня держится на таких факторах как достаточно сильные позиции русского языка, политические и силовые сети, институциональное наследие, а также ключевую роль как основное направление трудовой миграции. Для Таджикистана и Кыргызстана миграционные потоки и связанные с ними денежные переводы по-прежнему имеют определяющее значение. В результате, сегодня речь идет не столько о замещении России Китаем, сколько о более сложной перестройке внешних влияний. Вместе с тем Пекин все активнее стремится конвертировать свой экономический и финансовый капитал в политическое и стратегическое влияние.

С методологической точки зрения данное исследование намеренно выходит за рамки более традиционной оптики, анализируя процесс трансформации баланса сил в Центральной Азии не только сквозь призму стратегических императивов Пекина или других глобальных акторов, но и через восприятие самих центральноазиатских элит и обществ. Концепции наподобие «Большой игры» или «Большой Центральной Азии» наглядно демонстрируют насколько устойчива тенденция рассматривать регион исключительно через интересы внешних игроков. Подобная оптика зачастую искажает реальную картину, отодвигая на второй план субъектность самих государств региона и их внутренние мотивы.

Для обеспечения объективности и глубины анализа работа опирается на комплексную эмпирическую базу. Во-первых, проводится систематический анализ первичных источников, включая официальные документы, стратегии развития и двусторонние соглашения между Китаем, Таджикистаном и Кыргызстаном. Во-вторых, в качестве ключевого инструмента верификации и выявления скрытых тенденций использовались полуструктурированные глубинные интервью с экспертами из Кыргызстана и Таджикистана. Отбор специалистов осуществлялся по критериям профессиональной компетентности и непосредственной вовлеченности в исследуемую проблематику. Все интервью проводились в анонимизированной форме, что позволило экспертам более открыто высказываться по чувствительным вопросам и обеспечило доступ к оценкам, которые не всегда фиксируются в публичном поле.

От инвестиций к структурной зависимости

С момента обретения независимости республиками Центральной Азии в начале 1990-х гг., стратегия Пекина в регионе прошла через глубокую эволюцию. На начальном этапе Китай выступал преимущественно как партнёр, чьи интересы ограничивались демаркацией границ, обеспечением стабильности и закупкой сырья. Однако по мере формирования контуров нового мирового порядка и запуска инициативы «Пояс и путь», КНР начала планомерно накапливать экономические активы, заполняя вакуум, образовавшийся из-за экономических проблем России и фрагментарного внимания Запада. К началу 2020-х гг. эта парадигма инвестирования в масштабные инфраструктурные и энергетические проекты исчерпала себя. Сегодня присутствие Пекина, особенно ярко выраженное в наиболее уязвимых экономиках региона, Кыргызстане и Таджикистане, характеризуется переходом от торговой экспансии к глубокому инфраструктурному контролю, управлению суверенным долгом и технологическому доминированию.

Динамика товарооборота в текущем десятилетии наглядно иллюстрирует качественный характер произошедшего слома. В 2013 г., в момент запуска инициативы «Пояс и путь», совокупный товарооборот Китая с пятью республиками составлял 43,5 млрд долл. К 2020 г. пандемия COVID-19 временно откатила показатель до 38,6 млрд долл. Однако последовавшее восстановление оказалось стремительным и беспрецедентным. В частности, по итогам 2025 г. товарооборот достиг исторического рекорда в 106,3 млрд долл.¹, впервые преодолев отметку в 100 млрд долл. и увеличившись в 2,7 раза всего за пять лет.

Примечательно и качественное изменение товарной структуры китайского экспорта. В 2023–2025 гг. Пекин целенаправленно продвигал в регион так называемую «новую тройку» товаров, электромобили, литий-ионные батареи и солнечные панели. Центральная Азия, таким образом, превращается не просто в рынок сбыта традиционных потребительских товаров, но и неким полигоном для внедрения и апробации китайских технологических стандартов и инфраструктурных решений.

Для Бишкека и Душанбе это означало смену геоэкономической парадигмы. В частности, Россия уступила свои позиции. Показательно,

1. A. Musaev. Explainer: What's next as China edges Russia as Central Asia's top trade partner? //BBC Monitoring, 2 февраля 2026, доступно по ссылке: <https://monitoring.bbc.co.uk>.

что лишь за первые пять месяцев 2025 г. товарооборот Таджикистана с КНР достиг 900 млн долларов, обогнав российские показатели². Однако за фасадом этих цифр скрывается критический дисбаланс. Из указанных 900 млн долларов таджикский экспорт составил всего 177 млн долларов, что формирует ощутимое отрицательное сальдо, вымывает национальные валютные резервы и закрепляет статус республик как зависимых рынков сбыта.

Эта макроэкономическая уязвимость приобретает ещё более сложный характер из-за превращения Кыргызстана в транзитный хаб для обхода западных санкций против России. Как показывают последние данные, разрыв в официальных данных по товарообороту между Бишкеком и Пекином достиг впечатляющих масштабов. В частности, по итогам 2025 г. таможенная служба КНР зафиксировала экспорт в Кыргызстан на сумму 27,2 млрд долларов, в то время как кыргызская сторона указала импорт в объёме 4,97 млрд долларов³. Очевидно, что подобное расхождение более чем в 5,5 раз невозможно списать исключительно на методологию учета транзитных грузов. В реальности эти цифры документируют масштабный теневой сектор и серые схемы реэкспорта, в том числе продукции двойного назначения⁴. К слову, рост поставок высокотехнологичных европейских товаров в Кыргызстан на 800% с последующим взлетом их реэкспорта в РФ на 1200% спровоцировал беспрецедентное давление со стороны ЕС⁵.

Параллельно с торговой и транзитной асимметрией, быстрое расширение кредитования со стороны китайских банков 2010-х гг. переросло в системное долговое бремя, угрожающее национальному суверенитету. Согласно исследованиям Lowy Institute, сегодня Пекин трансформировался из главного мирового поставщика в «сборщика долгов». К примеру, долг перед КНР составляет около 28% от совокупного внешнего долга как в Кыргызстане (около 1,5 млрд долларов), так и в Таджикистане (около 900 млн долларов)⁶. Попытки Бишкека диверсифицировать долг или добиться его списания сталкиваются с отказом с китайской стороны. Пекин соглашается лишь на коммерческие отсрочки с сохранением процентов и взиманием дополнительных комиссий. Для Душанбе эта неспособность обслуживать займы безболезненно для бюджета означает

2. V. Ismailov. China Overtakes Russia as Tajikistan's Top Trading Partner for the First Time // Times of Central Asia, 15 июля 2025, доступно по ссылке: <https://timesca.com>.

3. K. Aibashov. M. Sharipzhan. China-Kyrgyzstan Trade Gap Widens As Conflicting Data Raises Transparency Concerns // RFE/RL, 26 марта 2026, доступно по ссылке: www.rferl.org.

4. Y. Yusupov. Foreign Trade of Central Asian Countries: Trends, Barriers, and Prospects // CAPS Unlock, 2025, доступно по ссылке: <https://capsunlock.org>.

5. E. Collet. Kyrgyzstan in EU Crosshairs over Russia Sanctions Circumvention // Euractiv, 26 февраля 2026, доступно по ссылке: www.euractiv.com.

6. R. Duke. Peak Repayment: China's Global Lending // Lowy Institute, Май 2025, доступно по ссылке: <https://interactives.lowyinstitute.org>

принуждение к обмену долгов на активы и отчуждение стратегических ресурсов.

Между тем, именно долговой рычаг позволил Китаю форсировать переход к прямому операционному контролю над тяжелой промышленностью и недрами. К примеру, транснациональные корпорации, такие как Zijin Mining, методично занимают доминирующие позиции в золотодобывающей отрасли. Компания контролирует стратегические месторождения Джилау и Тарор в Таджикистане и управляет проектом «Алтынкен» в Кыргызстане. Вместе с тем подобные масштабные проекты не редко обостряют социальную напряжённость, что наглядно продемонстрировали протесты таджикских шахтеров на руднике «Зарафшон» в конце 2024 г. По свидетельству бывших сотрудников указанной компании, таджикские инженеры зарабатывают в шесть раз меньше, чем их китайские коллеги⁷. При этом, как показывают данные, контроль со стороны китайских корпораций в Таджикистане выходит за рамки добычи сырья. Масштабная модернизация таджикской алюминиевой компании (ТАЛКО), контракты на которую (от 545 млн до 1,6 млрд долларов) переданы китайской СМЕС, гарантирует долгосрочную технологическую привязку главной экспортной отрасли Таджикистана к оборудованию и стандартам КНР⁸.

Вместе с тем, одним из наиболее крупных инфраструктурных проектов, демонстрирующих расширение китайского влияния, является запуск в 2024 г. строительства железной дороги Китай–Кыргызстан–Узбекистан (ККУЖД) стоимостью 4,7 млрд долларов. Проект, призванный стать ключевой артерией Срединного коридора, структурно закрепляет доминирование Пекина. Контрольный пакет совместной компании (51%) принадлежит КНР, а финансирование обеспечивается через долгосрочный кредит китайских госбанков. Экономисты предупреждают, что в перспективе модель BOT (Build-Operate-Transfer) неразрывно свяжет государственные финансы Кыргызстана и кардинально сузит его транзитный суверенитет⁹.

В совокупности эти процессы формируют новую реальность, которую чётко фиксируют результаты закрытых экспертных опросов, проведённых автором в феврале-марте 2026 г. Исследователи, представляющие государственные исследовательские центры, университеты, а также частные аналитические центры из Кыргызстана и Таджикистана в целом признаются, что изначальный прагматичный

7. Tensions Rise Around Chinese Mining Projects in Tajikistan // Caspian Post, 23 января 2026, доступно по ссылке: <https://caspianpost.com>.

8. Part of the Property of the Aluminum Giant of Tajikistan Will Be Transferred to a New Company // CAG World, доступно по ссылке: www.cag.world.

9. A. Dayar. A New Link in Global Trade: The China-Kyrgyzstan-Uzbekistan Railway and Its Role in the Middle Corridor // Caspian Policy Center, 10 июня 2025, доступно по ссылке: <https://caspianpolicy.org>.

расчёт местных элит стремительно вытесняется ощущением неизбежного роста зависимости. И как отмечают кыргызстанские эксперты, в обществе вновь нарастает недовольство как активностью китайских компаний, так и действием все более лояльных к Китаю местных властей. При этом растущая лояльность кыргызских властей к Китаю обусловлена не столько симпатией, сколько прагматичным расчётом и структурной зависимостью. Кыргызстанский исследовательница Н. Таткало описывает эту логику через концепцию «взаимно приемлемой невежественности», когда правительство молчаливо соглашается с невыгодными условиями китайских кредитов, а китайские компании не предъявляют претензий к коррупционным схемам, в которые неизбежно вовлекаются. За период с 1999 по 2019 год в Кыргызстане зафиксированы три крупных политических скандала, в которых китайские деньги становились инструментом внутривластной борьбы, однако во всех случаях китайская сторона оставалась вне разбирательств¹⁰. В результате китайские финансовые потоки превратились в ресурс, вокруг которого действующие элиты выстраивают неформальные договорённости для удержания власти. Именно эта логика объясняет устойчивую благосклонность властей к расширению китайского присутствия вне зависимости от настроений в обществе.

Между тем, трансформируя долги в контроль над активами, а транзитную зависимость в управление критической инфраструктурой, Китай фактически сокращает пространство стратегического маневра и угрожает суверенитету Кыргызстана и Таджикистана.

10. Н. Таткало. Мифы и реалии китайской угрозы в Кыргызстане // Институт стратегического анализа и прогноза (ИСАП), 24 февраля 2022, доступно по ссылке: www.isap.center.

Эволюция китайской стратегии безопасности в Центральной Азии

По мере углубления экономического присутствия в Центральной Азии Китай постепенно расширял и инструменты безопасности. В частности, на примере Кыргызстана и Таджикистана наиболее отчетливо прослеживается поэтапная трансформация китайской стратегии безопасности. Можно фиксировать как меняется китайское присутствие от приграничной стабилизации и работы через ШОС к двусторонним механизмам, коммерциализации охраны и технологическим инструментам контроля.

Данная трансформация обусловлена не только внутренними потребностями Китая в стабильности его западных рубежей (Синьцзян-Уйгурский автономный район, СУАР), но и динамично меняющимся геополитическим ландшафтом региона, включая фактор нестабильности в Афганистане, внутренние социально-политические кризисы в республиках Центральной Азии и обостряющуюся конкуренцию с другими глобальными игроками. Так, процесс изменения роли Китая в сфере безопасности можно разделить на несколько взаимосвязанных этапов, каждый из которых характеризуется специфическими инструментами, правовыми рамками и стратегическими целями.

Стабилизация СУАР и архитектура «шанхайской пятерки» (1990 начало 2000 х гг.)

На начальном этапе независимости центральноазиатских республик ключевой задачей Пекина была стабильность СУАР. Распад СССР создал ситуацию неопределённости на границах. Угроза проникновения идей терроризма, экстремизма и сепаратизма или так называемых «трёх сил зла» через уязвимые и еще не до конца делимитированные границы Кыргызстана и Таджикистана продиктовала необходимость выстраивания системы доверия в военной сфере. Правовой основой этого этапа стали исторические соглашения, подписанные в рамках «Шанхайской пятерки» в 1996 году. Соглашение между тремя странами региона (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан), имеющими

общие границы с Китаем, заложили фундамент для создания полноценной международной организации - ШОС.

В последующий период участие Китая в региональной безопасности в Центральной Азии ограничивалось деятельностью ШОС. Региональная антитеррористическая структура (РАТС) ШОС проводила ежегодные учения, в которых ставились цели и задачи борьбы с терроризмом и экстремизмом. Нельзя сказать, что эта деятельность не принесла результатов. В то же время по мере расширения военного и экономического потенциала роль и значимость Китая для многих стран в качестве партнёра в области безопасности неуклонно повышалась. Поскольку функции ШОС не позволяли Китаю в полной мере расширять свое влияние на безопасность в регионе, китайские власти стали менять свои подходы. Как следствие в последующие годы мы могли фиксировать различные инициативы двустороннего и многостороннего характера.

Афганский фактор и физическое закрепление в регионе (2000 – 2010 -е гг.)

Следующий этап характеризуется повышением значимости афганского фактора в центральноазиатской стратегии Китая. Так, в частности, по мере ухудшения ситуации в Афганистане и начала процесса вывода основных сил коалиции НАТО, стратегия Пекина в Центральной Азии претерпела качественный сдвиг. Китай осознал ограниченность механизмов ШОС, требующих консенсуса всех участников, включая Россию, и перешел к практике различных форматов для оперативного решения задач безопасности. Таджикистан, имеющий самую протяжённую (более 1300 км) и сложную границу с Афганистаном, стал главным объектом новой стратегии «вынесенной вперед обороны». Официальным закреплением этого перехода стало создание в 2016 г. Четырёхстороннего механизма сотрудничества и координации с участием Китая, Пакистана, Таджикистана и Афганистана. В рамках этого механизма Китай впервые начал создавать экстра-территориальные объекты военной инфраструктуры, направленные на блокирование угроз. Особое внимание в этот период Пекин уделил Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана, где наиболее отчётливо проявилось присутствие китайских силовых структур. В районе кишлака Шаймак создана инфраструктура безопасности, официально классифицируемая как база для таджикских сил быстрого реагирования, построенная при финансовой и технической поддержке КНР¹¹. Хотя западные СМИ и ряд экспертов Тайваня, Японии и других стран классифицируют объект как

11. Ц. Ши. Пилот. Военная база Китая в Таджикистане // Институт национальной обороны и безопасности Тайваня, 12 ноября 2021, доступно по ссылке: <https://indsr.org.tw> (на китайском языке).

«военизированный» и указывают на присутствие китайского персонала, точный правовой статус комплекса остается предметом дискуссий¹². Официальный Душанбе и Пекин последовательно отрицают наличие иностранной военной базы, подчеркивая, что взаимодействие строится на принципах совместной борьбы с терроризмом в рамках двусторонних соглашений, где ключевую административную и оперативную роль сохраняют за собой силовые структуры Таджикистана.

Кроме этого, в 2021 г. Парламент Таджикистана ратифицировал соглашение с Китаем о строительстве новой базы для Группы быстрого реагирования МВД Таджикистана в Ишкашимском районе. Стоимость проекта составила около 55 млн юаней (8,5 млн долларов), при этом все оборудование, включая системы слежения и связи, поставляется китайской стороной¹³.

Развивая эту архитектуру, Пекин перешел от декларативных инициатив к долгосрочному закреплению своего присутствия. Подтверждением этого стало ратифицированное Парламентом Таджикистана 4 марта 2026 г. соглашение, согласно которому правительство КНР профинансирует (в виде гранта на сумму 424 млн юаней) и осуществит строительство девяти новых современных пограничных объектов¹⁴. Специфика проекта демонстрирует системный подход Китая, который предполагает строительство по полностью замкнутому китайскому циклу, тогда как Душанбе предоставляет лишь землю и полное освобождение от налогов. Эта инициатива, являясь продолжением программы 2017–2018 гг., формирует еще более масштабную эшелонированную линию безопасности.

Примечательно, что старые и новые объекты, построенные при поддержке Китая на таджикско-афганской границе пока, не приносят ожидаемого эффекта, о чём также говорят опрошенные в Таджикистане эксперты. Современные технологии, используемые для патрулирования границ, усиливают пограничный контроль. Но вместе с тем, присутствие китайских военных и, шире, представителей китайских компаний приводит к интенсификации пограничных атак со стороны Афганистана. В частности, как пишут таджикские эксперты, только во второй половине 2025 г. на таджикско-афганской границе было зафиксировано 9 инцидентов, связанных с незаконным

12. Ц. Ши. Военная экспансия и ограничения Китая в Центральной Азии // Институт национальной обороны и безопасности Тайваня, доступно по ссылке: <https://indsr.org.tw> (на китайском языке).

13. Хуа. Бай. Китай контролирует Ваханский коридор для защиты Синьцзяна и, используя ситуацию в Афганистане, усиливает присутствие на Памире // Голос Америки, кантонская служба, 30 октября 2021, доступно по ссылке: www.voacantonese.com (на китайском языке).

14. Ш. Кудрат. Китай построит 9 пограничных объектов на границе Таджикистана с Афганистаном // Asia-Plus, 11 марта 2026, доступно по ссылке: <https://asiaplus.news>.

пересечением границы Таджикистана наркоконтрабандистами, членами террористических группировок, а также нападениями на граждан Китая¹⁵. При этом наиболее резонансными стали инциденты в конце ноября 2025 г. Тогда по сообщениям МИД Таджикистана, произошло вооруженное нападение с территории Афганистана на сотрудников ООО «Шохин СМ» с применением БПЛА, в результате которого погибли граждане Китая, работавшие на золоторудном предприятии¹⁶.

Этот этап характеризуется переходом от дипломатических заверений к физическому присутствию силовых структур КНР на территории государств региона. В официальных документах КНР, таких как «Белая книга по национальной обороне», этот подход стал оправдываться необходимостью защиты национальных интересов за рубежом и участия в международном антитеррористическом сотрудничестве¹⁷. Для Таджикистана такое сотрудничество стало вынужденным компромиссом. Так, несмотря на заверения таджикской стороны об отсутствии военных баз Китая на территории Таджикистана нельзя отрицать того факта, что в обмен на финансовую помощь и инфраструктурные вложения Душанбе де-факто передал часть контроля над своими приграничными территориями под надзор Пекина.

Коммерциализация безопасности

Третий этап (2013–2022 гг.) был связан с тем, что наряду с запуском глобального проекта под названием инициатива «Пояс и путь», Китай начал воспринимать внутреннюю нестабильность в странах региона как прямую угрозу собственным инвестициям, инфраструктуре и гражданам. Смены власти в Кыргызстане, кризисы в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО), события «кровавого января» 2022 г. в Казахстане, а также волнения в Каракалпакстане показали Пекину, что риски для китайских активов исходят не только извне, но и изнутри самих государств Центральной Азии. Ответом стало расширение двустороннего сотрудничества с силовыми структурами и постепенная коммерциализация отдельных функций безопасности.

В этом контексте, как справедливо отмечают кыргызстанские исследовательницы, роль Пекина возрастает именно за счёт диверсификации не институциональных механизмов, которые в итоге санкционируют деятельность китайских военных подрядчиков в

15. Ш. Ризоён. Таджикиско-афганская граница в 2025 году: инциденты и их последствия // Cronos.Asia, 27 декабря 2025, доступно по ссылке: <https://old.cronos.asia>.

16. О вооруженном нападении на таджикскую границу // МИД Таджикистана, 27 ноября 2025, доступно по ссылке: <https://mfa.tj/ru>.

17. Национальная оборона Китая в новую эпоху, Белая книга // Информационное бюро Государственного совета КНР, 24 июля 2019, доступно по ссылке: www.scio.gov.cn (на китайском языке).

регионе¹⁸. В частности, в этот период наблюдается выход на рынки Кыргызстана и Таджикистана китайских частных охранных предприятий. Тайваньские специалисты отмечают, что Китай широко применяет практику создания и использования ЧОП в Центральной и Южной Азии, таких как Zhongjun Junhong. Компания работает в Кыргызстане, обеспечивая охрану китайских горнорудных активов и логистических объектов. Формально подчиняясь местным законам, такие компании часто укомплектованы ветеранами НОАК и поддерживают прямые каналы связи с китайскими силовыми ведомствами. Также упоминается компания Hua Xin которая специализируется на защите объектов BRI, предоставляя услуги по обучению персонала и установке технических систем защиты¹⁹.

Параллельно резко выросли объемы военно-технической помощи странам региона из Китая, которая приобрела целевой характер. Китай сместил акцент с поставок излишков старой техники на передачу современных патрульных машин, средств связи, беспилотных систем и спецсредств для подразделений МВД и Национальных гвардий обеих республик. Это подкрепляется регулярными двусторонними учениями серии «Сотрудничество». Например, в ходе учений «Сотрудничество-2019» между НВП Китая и Нацгвардией Кыргызстана отработывались сценарии подавления массовых беспорядков и защиты стратегически важных объектов в городских условиях²⁰.

Такой подход позволяет Пекину усиливать присутствие в сфере безопасности без создания полноценных военных баз по классической модели. Вместо открытого военного развертывания Китай использует более гибкие инструменты включая финансирование инфраструктуры, подготовку персонала, прямые поставки оборудования, взаимодействие с внутренними силовыми структурами и использование частных подрядчиков. С политической точки зрения это дает КНР возможность снизить издержки, связанные с восприятием внешнего вмешательства, сохраняя при этом значительное влияние на практики обеспечения безопасности.

Немаловажно зафиксировать, что наряду с указанными выше, Китай последовательно формирует инструменты влияния на внутривнутриполитические процессы. Одним из таких механизмов стал проведенный в 2024 г. Глобальный форум по сотрудничеству в сфере общественной безопасности в Ляньюньгане, выступивший площадкой продвижения китайского подхода к управлению безопасностью в

18. Z. T. Muratalieva. A. T. Esenbekova. N. S. Tatkalo. China in the Shadow of Russia: Covert Tools for Expanding China's Influence over Kyrgyzstan's Security // *India Quarterly*, – 2022 г. – Vol. 78. – No. 1. – P. 88–103.

19. Ц. Ши. Пилот. Военная база Китая в Таджикистане *Op. cit.*

20. Китай и Кыргызстан начали совместные контртеррористические учения "Сотрудничество-2019" // *Xinhua*, 6 августа 2019, доступно по ссылке: www.xinhuanet.com (на китайском языке).

рамках инициативы GSI (Global Security Initiative)²¹. Форум объединил представителей более 100 стран и был ориентирован на выработку кооперационных практик в сфере борьбы с транснациональной преступностью, цифровой безопасности и миграционного регулирования.

Экспорт вооружений и подготовка военных элит

Сегодня Китай является вторым по величине поставщиком оружия в Центральную Азию после России. В Туркменистане и Узбекистане доля китайского оружия уже превышает 20% от общего объема закупок²². Вместе с тем, в последние годы особенно заметным стало присутствие Китая на рынке беспилотных систем, где он вступает в прямую конкуренцию с Турцией. В частности, поставки систем CH-4, CH-5 и Wing Loong в регион меняют баланс сил. Эти аппараты использовались в ходе пограничных конфликтов и антитеррористических операций, демонстрируя превосходство китайских технологий над устаревшими образцами²³. Принципиально важно, что поставки сопровождаются обучением операторов и созданием сервисных центров на местах, что формирует долгосрочное присутствие китайских технических специалистов в оборонных ведомствах Бишкека и Душанбе.

Таким образом, привлечение китайских специалистов органично дополняется системной работой по формированию новой военной элиты. Системное расширение квот на обучение офицерского состава Кыргызстана и Таджикистана в военных академиях НОАК (в частности, в Международном колледже оборонных исследований при Университете национальной обороны НОАК) очевидно, что создает долгосрочный канал идеологического и профессионального влияния. Ежегодно сотни офицеров среднего и высшего звена проходят подготовку в Китае, где им прививаются не только тактические навыки, но и китайское видение стратегии безопасности, основанное на защите суверенитета от внешнего вмешательства и «цветных революций»²⁴.

21. Состоялся подфорум по международному полицейскому образованию в рамках Форума глобального сотрудничества в области общественной безопасности (Ляньюньган) // Министерство общественной безопасности КНР, 8 сентября 2024, доступно по ссылке: www.mps.gov.cn (на китайском языке).

22. I. Zuenko. China's Activity in Central Asia in Light of Russian Interests // Russia in Global Affairs, Vol. 23. No. 2. Апрель-июнь 2025, P. 146–164, доступно по ссылке: <https://eng.globalaffairs>.

23. Совместная декларация КНР и КР об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства новой эпохи (полный текст) // МИД КНР, 18 мая 2023, доступно по ссылке: www.fmprc.gov.cn.

24. Совместное заявление КНР и КР об углублении всеобъемлющего стратегического партнерства новой эпохи (полный текст) // Посольство КНР в КР, 6 февраля 2025, доступно по ссылке: <https://kg.china-embassy.gov.cn> (на китайском языке).

Технологическое измерение китайского присутствия в сфере безопасности (с 2022 г. по настоящее время)

На текущем этапе Китай трансформирует своё присутствие из ситуативного реагирования в технологическое доминирование, вступая в прямую конкуренцию с традиционными гарантами и провайдерами безопасности, прежде всего Россией, США и частично Турцией. Важнейший аспект этого влияния связан с тем, что технологические инновации в гражданском секторе Китая напрямую конвертируются в военную силу и влияние на глобальные правила игры²⁵. Концептуальной рамкой этого процесса выступает Инициатива в области глобальной безопасности GSI, предложенная Си Цзиньпином в 2022 году. GSI продвигает принцип «неделимости безопасности» с китайской спецификой, подразумевающий отказ от участия во внерегиональных блоках и переход к региональным механизмам под эгидой КНР²⁶.

В практической плоскости Китай активно внедряет инфраструктуру двойного назначения, создавая технологическую зависимость через различные механизмы.

Цифровая секьюритизация

Наряду с физическим присутствием и военно-технической помощью Китай последовательно выстраивает еще менее очевидный, но не менее значимый уровень влияния – цифровую инфраструктуру безопасности. Экспорт комплексов «Умный город» и «Безопасный город» от Huawei, Hikvision, Dahua и CEIEC (China National Electronics Import and Export Corporation) обеспечивает местным МВД доступ к системам распознавания лиц и анализу больших данных. Кроме этого, в 2019 г. было объявлено о модернизации системы, включающей алгоритмы распознавания лиц. Также в 2019 году китайская корпорация CEIEC безвозмездно передала МВД КР командный центр, оснащенный системами распознавания лиц и анализа больших данных для

25. S. Kennedy. The Power of Innovation: The Strategic Value of China's High-Tech Drive // CSIS, 2 марта 2026, доступно по ссылке: www.csis.org.

26. Три глобальные инициативы» и дипломатия Китая в Центральной Азии в новую эпоху //2024, № 1. С. 75-96, доступно по ссылке: www.siis.org.cn (на китайском языке).

мониторинга ситуации в Бишкеке²⁷. В Кыргызстане управление этими системами, включающими камеры с функциями распознавания лиц и фиксации нарушений, было централизовано и передано ОАО «Кыргызтелеком» и МВД в сентябре 2025 г. Однако архитектурным ядром инфраструктуры остаются китайские облачные решения и концепция «City Brain».

Появление в 2025 г. передовых китайских ИИ-моделей, таких как DeepSeek, значительно удешевило и многократно ускорило процессы машинного обучения и анализа больших данных, сделав эти технологии доступными для стран Глобального Юга с ограниченными бюджетами. В контексте стран Центральной Азии данный процесс проявляется неравномерно. Наиболее глубокая интеграция китайских технологий ИИ-аналитики наблюдается в Кыргызстане и Таджикистане, где они становятся элементом инфраструктуры государственного управления и общественной безопасности. В Казахстане и Узбекистане внедрение китайских моделей сталкивается с более высокой конкуренцией, приобретая характер точечной имплементации в отдельных секторах экономики и городской инфраструктуры. В контексте стран Центральной Азии это означает, что, экспортируя данные технологии, Пекин преследует двоякую цель. С одной стороны, он помогает местным режимам удерживать политический контроль и оперативно подавлять очаги нестабильности, что соответствует китайскому видению безопасности. С другой стороны, интеграция китайских платформ в критическую инфраструктуру стран ЦА создает уязвимости, предоставляя спецслужбам КНР возможность негласного доступа к колоссальным массивам биометрической, телекоммуникационной и социальной информации. Примечательно, что данный фактор был отмечен большинством опрошенных экспертов в качестве наиболее серьёзного риска национальной безопасности стран ЦА. Ярким примером таких рисков служит инцидент, выявленный экспертами в сфере кибербезопасности, когда группы, аффилированные с китайскими разведывательными структурами, на протяжении длительного времени сохраняли скрытый доступ к инфраструктуре крупнейших казахстанских телеком-операторов (включая Kcell, Tele2 и Beeline)²⁸.

Подобная цифровая секьюритизация постепенно превращает Таджикистан и Кыргызстан в лаборатории для апробации технологических инструментов контроля. В этом контексте важно отметить, что Министерство обороны США институционализовало мониторинг подобных структур в рамках механизма Section 1260H, определяя компании вроде Huawei и Hikvision как элементы военно-

27. N. Yau. China taking Big Brother to Central Asia // Eurasianet, 6 сентября 2019, доступно по ссылке: <https://eurasianet.org>.

28. A. Kumenov. Kazakhstan: Major data hack bears Chinese fingerprints, 22 февраля 2024, доступно по ссылке: <https://eurasianet.org>.

гражданской интеграции КНР²⁹. В последующие годы данный список был существенно расширен и институционализирован в рамках механизма Section 1260H³⁰. Интеграция таких систем формирует «технологическую зависимость» республик и даёт Пекину инструмент потенциального политического влияния и контроля над массивами данных.

Спутниковая навигация Beidou

Китай активно продвигает свою спутниковую систему навигации Beidou как альтернативу американской GPS и российской ГЛОНАСС для армий региона³¹. Beidou обладает преимуществом в виде функции коротких сообщений, что позволяет координировать действия подразделений в условиях отсутствия связи в горной местности (Памир, Тянь-Шань). Внедрение Beidou в вооруженные силы Таджикистана и Кыргызстана создает фундаментальную зависимость в сфере управления войсками и применения высокоточного оружия. Beidou позиционируется как основа цифрового суверенитета стран региона, фактически привязывая их к китайской технологической платформе³². Однако важно осознавать, что BeiDou это фундаментальный элемент военной инфраструктуры Китая, созданный для независимости от американской GPS. Интеграция центральноазиатской логистики и госсектора в BeiDou расширяет зону покрытия и точность китайской военной навигационной сети.

Монополия в сфере телекоммуникаций

Логическим продолжением цифровой экспансии Китая стремление установить контроль над архитектурой телекоммуникационных сетей региона. Речь идет не только о поставках оборудования, но и попытке перехватить инициативу в написании технологических правил будущего, включая 5G и IoT. Как отмечают эксперты из Казахстана и Узбекистана, китайские вендоры фактически монополизировали поставки оборудования для базовых сетей в Центральной Азии³³.

29. T. Capaccio, J. Leonard. Huawei on List of 20 Chinese Companies That Pentagon Says Are Controlled by People's Liberation Army // TIME, 25 июня 2020, доступно по ссылке: <https://time.com>.

30. Entities Identified as Chinese Military Companies Operating in the United States in Accordance with Section 1260H of the William M. ("Mac") Thornberry National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2021 (Public Law 116-283) // U.S. Department of Defense, 7 января 2025, доступно по ссылке: <https://media.defense.gov>.

31. China's BeiDou Navigation Satellite System in the New Era // The State Council Information Office of the People's Republic of China, 4 ноября 2022, доступно по ссылке: <http://english.scio.gov.cn>.

32. Краткий анализ оперативного применения третьего поколения спутников «Бэйдоу» КНР // Т. 59. № 4, 1 августа 2025 (на тайваньском языке).

33. A. Bobokhonov, D. Bekturganov. China's Growing Technological Impact in Central Asia // Civic IDEA / Doublethink Lab, Май 2023, доступно по ссылке: <https://civicidea.ge/en>.

Поставляя оборудование по выгодным ценам с кредитной поддержкой, Пекин стремится связать местные телекоммуникационные компании в своей экосистеме, делая переход на оборудование других вендоров финансово нецелесообразным. Финансируя строительство подобных центров Китай, добивается того, что архитектура сетей в регионе автоматически подстраивается под китайские стандарты, отрывая страны Центральной Азии от западных (в перспективе и от российских) технологических платформ.

Цифры наглядно иллюстрируют глубину технологического проникновения Китая в коммуникационную инфраструктуру региона. В Таджикистане меморандум между Службой связи и Huawei предусматривает обновление и развитие сети на базе 7 600 базовых станций стандартов GSM /LTE/5G, которые рассматриваются как основа будущей 5G-инфраструктуры³⁴. По ряду экспертных оценок, свыше 90% телекоммуникационного оборудования Таджикистана поставляется Huawei. В Кыргызстане Huawei выступает ключевым технологическим поставщиком для крупнейших операторов, включая Sky Mobile и Alfa Telecom, а в ряде аналитических публикаций доля его оборудования у них оценивается в 90% и 70% соответственно. Таким образом, многоуровневая стратегия, сочетающая грантовое строительство военных объектов, экспорт систем цифрового контроля, обучение элит и присутствие неформальных полувоенных структур, позволяет Китаю эффективно обеспечивать свои интересы, не прибегая к формальному созданию военных блоков.

34. Signing of a Memorandum between the Communications Service and "Huawei Technologies of Tajikistan" LLC // Служба связи при Правительстве Республики Таджикистан, 12 декабря 2023, доступно по ссылке: <https://cs.gov.tj/en>.

Контуры соперничества с Россией

На официальном уровне российско-китайские отношения продолжают характеризоваться как «стратегическое партнёрство без границ», основанное на взаимном доверии и общих усилиях по демонтажу западнцентричного миропорядка. Однако в региональной плоскости всё отчетливее проявляется иная динамика, где сегодня можно фиксировать постепенное перераспределение ролей внутри асимметричного тандема.

Вопреки многочисленным оценкам экспертов, после 2022 г. Россия не утратила Центральную Азию как пространство ключевых интересов. Она сохраняет военное присутствие, инфраструктурные, миграционные и гуманитарные рычаги. Тем не менее война против Украины объективно сузила свободу российского маневра и повысила зависимость Москвы от китайского рынка, тогда как сами центральноазиатские государства активизировали многовекторное хеджирование.

Именно в этой ситуации Китай получил не столько шанс на вытеснение России, сколько возможность последовательно занять ниши, где прежде Москва обладала фактической монополией. Пекин делает это через формирование плотной сети экономических, институциональных, цифровых и кадровых зависимостей. В аналитическом плане такую линию допустимо рассматривать через призму концепции *weaponized interdependence*³⁵, которая предполагает контроль над ключевыми узлами транспортных, финансовых, цифровых и регуляторных сетей со временем превращается в рычаг структурного влияния.

В центральноазиатском случае речь идёт прежде всего о логистике, цифровой инфраструктуре, образовательных платформах, системах наблюдения и механизмах подготовки управленческих и силовых кадров. Это не классическое военно-политическое доминирование, а более гибкая и менее заметная, но глубокая форма укоренения.

Первой и наиболее чувствительной линией расхождения стала институциональная архитектура региона. На протяжении двух десятилетий Китай в значительной степени был вынужден действовать в Центральной Азии в рамках ШОС, где Россия сохраняла

35. H. Farrell. A. L. Newman. *Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion* // *International Security*, Vol. 44. No. 1, Лето 2019, P. 42–79.

политический вес, процедурное влияние и возможность блокировать избыточную, с ее точки зрения, автономизацию китайских инициатив. Начиная с саммита в Сиане 2023 года Пекин стал целенаправленно переводить взаимодействие со странами региона в отдельный, эксклюзивный формат «Китай-Центральная Азия». Весной 2024 года в Сиане был официально запущен Секретариат механизма, а к июню 2025 года, в рамках данного формата уже действовали 13 министерских платформ. Для России чувствительным является то, что этот контур выстраивается без её участия и институционального вето. Россия в этом механизме не представлена даже в качестве наблюдателя. Не случайно российские эксперты из МГИМО фиксируют, что влияние России в Центральной Азии с 2000-х гг. снижается и самым чувствительным для Москвы стал именно саммит в Сиане в 2023 г., после которого появились элементы политической интеграции стран ЦА и Китая без участия России³⁶.

В экономической сфере конкуренция приобретает всё более отчётливые контуры, хотя говорить о полном вытеснении России также пока преждевременно. Показательна в этом отношении ситуация в Таджикистане, где впервые более чем за два десятилетия Китай незначительно опередил Россию, став крупнейшим торговым партнёром республики. В абсолютных цифрах речь идёт о сопоставимых объёмах. Так, товарооборот Таджикистана с Китаем за первые пять месяцев 2025 года достиг 964 млн долларов, тогда как с Россией около 900 млн долларов. При этом российско-таджикская торговля также демонстрирует рост. По итогам девяти месяцев 2025 года она увеличилась на 17% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года³⁷.

При этом главным камнем преткновения становится реализация железнодорожной магистрали Китай-Кыргызстан-Узбекистан, являющейся ключевым звеном Среднего коридора. Долгие годы Транссибирская магистраль и развитая сеть железных дорог Казахстана обеспечивали Москве логистическую монополию на транзит грузов между Азией и Европой. Строительство ККУЖД, перешедшее в 2025–2026 годах в активную фазу, наносит ощутимый удар по российским транзитным доходам. Как отмечают опрошенные эксперты, ещё более важно то, что этот проект лишает Россию стратегической способности использовать логистику как инструмент политического шантажа или давления на государства Центральной Азии в кризисных ситуациях.

В сфере безопасности соперничество развивается ещё осторожнее, но именно поэтому оно особенно значимо. Центральная Азия долгое время существовала в логике неформального разделения ролей, о чем

36. I. Zuenko. China's Activity in Central Asia in Light of Russian Interests. Op. cit.

37. Russia-Tajikistan Trade Turnover Sees Significant Growth in 2025 // Caspian Post, 7 октября 2025, доступно по ссылке: <https://caspianpost.com>.

говорилось и писалось достаточно³⁸. Эта схема уже не отражает сегодняшние реалии. На саммите в Астане в июне 2025 года Пекин уже открыто предложил не только экономические, но и инструменты безопасности, которое включает поддержку модернизации оборонного, правоохранительного блока стран региона, совместные тренировки, подготовку кадров, проекты Safe City, а также расширение кооперации в борьбе с терроризмом, транснациональной преступностью и киберугрозами. Конечно, это еще не означает, что Китай вытеснил Россию из сферы безопасности, о чём, кстати, также свидетельствуют оценки большинства опрошенных исследователей. Тем не менее Пекин вошел в те сегменты, которые раньше считались политически чувствительными и во многом зарезервированными за Москвой. Тем самым формируется параллельная архитектура безопасности, которая менее формализованная, но функционально все более плотная.

Принципиально важно и то, что Москва пока не переводит эти расхождения в плоскость открытого политического спора. Причина состоит не в отсутствии противоречий, а в резко возросшей цене их публичной артикуляции. В публикации Reuters отмечается, что после 2022 года Китай стал для России крупной экономической опорой. Несмотря на снижение товарооборота в 2025 году, двусторонняя торговля все равно составила около 228,1 млрд долларов, а китайский рынок продолжает играть для Москвы критическую роль в сбыте энергоносителей и закупке широкого спектра товаров³⁹. В этих условиях Кремль объективно не заинтересован в демонстративном блокировании китайских инициатив в Центральной Азии. Характерно, что и в российской экспертной среде доминирует не логика прямого противостояния КНР, а логика управления рисками и попыток адаптироваться к новому балансу через сохранение диалога с Пекином и удержание позиций в остаточных зонах преимущества. К тому же, российские эксперты отмечают, что увеличение поставок китайского вооружения и техники в Центральную Азию уменьшает западные поставки региону⁴⁰.

В целом, можно констатировать, что условно до 2022 года роли Китая и России в Центральной Азии не подвергались каким-либо резким изменениям. Каждая из держав проводила свою линию в регионе, при этом не сильно соприкасаясь с интересами друг друга. Исторически сложившееся положение о том, что Центральная Азия – это зона особых интересов России, формально признавалось Китаем. Но в то же время Пекин постепенно расширял сферы своего влияния в Центральной Азии в тех областях, где это же влияние России

38. J. Šćepanović. The Sheriff and the Banker? Russia and China in Central Asia // War on the Rocks, 13 июня 2022, доступно по ссылке: <https://warontherocks.com>.

39. China's 2025 trade with Russia posts first decline in 5 years // Reuters, 14 января 2026, доступно по ссылке: www.reuters.com.

40. I. Zuenko. China's Activity in Central Asia in Light of Russian Interests. Op. cit.

снижалось. В целом Москве и Пекину удавалось проводить собственную политику, не входя при этом в какое-либо открытое противоречие друг с другом. Именно после 2022 года статус России и Китая в Центральной Азии стремительно меняется и новый статус-кво очевидно все меньше отвечает интересам России.

Таким образом, отношения России и Китая в Центральной Азии сегодня сложно охарактеризовать какой-то одной формулой. Но однозначно можно сказать одно – ни о каком разделении труда между Москвой и Пекином в Казахстане, уже нельзя говорить. Условная формула, когда Пекин расширял экономическое влияние, а Москва обеспечивала безопасность в регионе, не устраивает ни Китай, ни Россию. Данный нарратив был известен еще до начала войны. Но именно война и январские события в 2022 г. в Казахстане подтвердили ее несостоятельность.

Другая формула, которой раньше также описывали отношения Москвы и Пекина в ЦА о том, что две державы согласовано проводят политику, также не выдерживает критики. Конечно, эта формула не отвечает интересам в первую очередь самих стран Центральной Азии.

Получается, что наиболее подходящее описание политики Китая и России в Центральной Азии – это конкуренция. Она существовала всегда. Но имела скрытый и не острый характер. Судя по декларируемым планам двух держав, в дальнейшем конкуренция между Москвой и Пекином в Центральной Азии будет только нарастать.

Эксперты отмечают, что у Китая и России всегда были определенные противоречия как в двустороннем формате, так и в отдельных регионах. В Центральной Азии противоречия не были очевидными. Но разрушение традиционных транзитных и логистических цепочек через территорию России и стран Европы в результате войны в Украине мешало планам Китая создать альтернативный морскому – наземный путь в Европу. Соответственно, мы видим, как сегодня Китай открыто поддерживает и формирует новые маршруты в обход России.

В то же время важно понимать, что достаточно тесное партнёрство Китая и России стоит на антиамериканской основе. Сегодня очевидно, что Россия больше зависит от Китая и Пекин пользуется этим положением, в том числе получая российские энергоресурсы и сырьё по выгодным для себя ценам. Данный фактор приобрел еще большую актуальность на фоне событий вокруг Ирана в 2026 г. Однако данный статус кво может измениться. В частности, китайские аналитики предупреждают, что в случае резкой эскалации конфликта вокруг Тайваня Китай также может оказаться в международной изоляции. И тогда из числа региональных и глобальных держав только Россия может поддержать Китай. Так, шанхайские аналитики пишут, что в идеале США рассчитывают на то, что Китай сделает такую же ошибку,

как и Россия, решив начать военные действия против Тайваня. Но Китай опасается именно этого – совершить поспешный шаг и ввязаться в вялотекущую войну, которая больно ударит по его экономике. Это значит, что в ближайшее время вокруг Тайваня будет продолжаться военно-политический кризис, который будет сопровождаться военными провокациями, как стороны КНР, так и стран Запада. Китай будет усиливать санкционное давление на остров. Но вероятность начала реальных военных действий со стороны Пекина на данный момент остается низкой.

С учетом указанных факторов отношения России и Китая можно охарактеризовать как многогранные. Даже проводя более активную политику в Центральной Азии, Китай все же будет стараться прямо не противоречить интересам Москвы. К тому же у Москвы и Пекина есть и общие интересы. Помимо противостояния США и Западу, Россия и Китай одинаково с настороженностью оценивают процессы тюркской интеграции и региональной кооперации в Центральной Азии.

При этом нынешняя сдержанность Москвы в отношении китайской экспансии в Центральной Азии продиктована обстоятельствами, а не стратегическим выбором. Поглощённая войной в Украине, Россия временно утратила возможность активно противодействовать китайскому проникновению в регион, который она традиционно считала зоной своего исключительного влияния. Однако, совершенно очевидно, что постепенное сужение влияния России в Центральной Азии и усиление здесь Пекина один из наиболее чувствительных вопросов для Кремля. Есть основания полагать, что по мере нормализации отношений с Западом и высвобождения стратегического внимания от украинского направления Кремль неизбежно обратится к центральноазиатской повестке. Для этого Москва имеет все необходимые инструменты, в том числе несопоставимо более глубокое, чем у Китая, неформальное влияние на силовые ведомства стран региона, выстроенное десятилетиями совместной подготовки и кадровых связей, а также русскоязычные политические элиты, чьи личные и профессиональные сети по-прежнему ориентированы на Москву.

Сложный баланс

Углубление китайского присутствия в Кыргызстане и Таджикистане поставило обе страны перед стратегическим парадоксом. На протяжении трёх десятилетий независимости они целенаправленно снижали зависимость от России, нередко отдавая предпочтение китайским партнёрам как альтернативному источнику инвестиций и компетенций. Однако именно эта стратегия породила новую зависимость, уже от восточного соседа, который сегодня занимает безальтернативные позиции в ключевых секторах экономики, инфраструктуры и всё активнее в области безопасности. Таким образом, попытка уйти от одной монопольной зависимости привела к формированию другой, структурно более глубокой.

Стремясь управлять двойной зависимостью от Москвы и Пекина, Кыргызстан и Таджикистан последовательно расширяют сеть внешних партнёрств. Форматы «5+1» с США, ЕС, Японией и Южной Кореей выполняют функцию диверсификации. Особое место в этой стратегии занимает Турция. Анкара целенаправленно наращивала своё присутствие в регионе, апеллируя к общей тюркской идентичности и предлагая современные военные технологии без политических условий. В частности, Турция поставляет беспилотники «Bayraktar» четырём из пяти центральноазиатских государств. И к слову, Кыргызстан применил их в ходе пограничного конфликта с Таджикистаном в 2022 году. Анкара продолжает наращивать свое влияние в регионе и примечательно, что в июле 2025 года в Стамбуле прошло первое совещание руководителей оборонных ведомств стран ОТГ, на котором обсуждалась институционализация многостороннего сотрудничества в сфере оборонной промышленности⁴¹. Турция позиционирует себя одновременно как координатор и поставщик, что отражает её растущий экспортный потенциал в военной сфере. Вместе с тем турецкий вектор имеет очевидные ограничения. Таджикистан, не входящий в ОТГ в силу культурных и языковых особенностей, остаётся за рамками тюркской интеграции и вынужден искать альтернативных партнёров. Кроме того, расширение турецкого военного присутствия неизбежно провоцирует ответную реакцию со стороны России и Китая, что ограничивает возможности центральноазиатских республик по углублению сотрудничества с Анкарой.

В конечном счете складывающаяся конфигурация внешних влияний не снижает уровень зависимости Кыргызстана и

41. Turkey and the Defence Industry Cooperation Among Turkic States Promoted at the IDEF 2025 // Special Eurasia, июль 2025, доступно по ссылке: www.specialeurasia.

Таджикистана, а лишь меняет их структуру. При этом негласная конкуренция между Россией и Китаем сохраняет для Бишкека и Душанбе ограниченное пространство для маневра, однако сама по себе не ведет к автоматическому росту их субъектности. Напротив, возможность балансирования все в большей степени зависит от способности обеих республик целенаправленно расширять круг внешних партнеров и не допускать концентрации критической зависимости в одних руках. Именно в этой логике Кыргызстан и, в более ограниченной степени, Таджикистан активизируют связи с Турцией, а также с другими внешними акторами, используя их как дополнительный инструмент диверсификации.

Заключение

Роль Китая в Центральной Азии менялась постепенно, однако после 2022 года этот процесс приобрёл качественно иные темпы и характер. На примере Таджикистана и Кыргызстана мы видим, как Пекин последовательно переходит от позиции крупного внешнего партнёра к роли системообразующего игрока, формирующего институциональную архитектуру региональных отношений, в том числе в рамках механизма «Китай+Центральная Азия». Тем самым Китай постепенно интегрирует страны Центральной Азии в систему, в центре которой находится Пекин.

Все более заметным становится сдвиг в восприятии Китаем своей роли в области безопасности в регионе. Китай уже не ограничивается задачами приграничной стабилизации или участием в многосторонних механизмах вроде ШОС. Напротив, его присутствие все отчетливее расширяется через более сложный набор инструментов, включая технологический контроль, поставки вооружений, подготовку военных и полицейских кадров, развитие телекоммуникационной инфраструктуры и внедрение цифровых систем наблюдения и управления. Особенность этой модели состоит в том, что она позволяет Пекину усиливать влияние без необходимости прямого военного доминирования. В результате китайская роль в региональной безопасности укрепляется не столько через формальные союзы, сколько через постепенное встраивание китайских технологий, стандартов и практик в саму архитектуру безопасности.

Нарастающая роль Китая в Таджикистане и Кыргызстане прямо или косвенно затрагивает интересы России. Москва сохраняет устойчивые преимущества в виде военных баз, институтов ОДКБ, глубоких связей с силовыми ведомствами, а также фактор трудовой миграции. Однако пространство, которое Россия традиционно занимала как единственный внешний гарант безопасности, постепенно сужается. В этом смысле формирующийся региональный порядок представляет собой не простую замену одного внешнего центра силы другим, а более сложную и многослойную конфигурацию, в которой российское доминирование уже не выглядит безусловным.

В складывающихся условиях Кыргызстану и Таджикистану становится всё сложнее проводить сбалансированный внешнеполитический курс. Система зависимостей от внешних игроков становится многоуровневой. Именно поэтому обе страны пытаются расширить круг внешних партнеров, включая Турцию и других акторов, чтобы не допустить критической концентрации влияния в руках

Москвы или Пекина. Однако пространство для такого маневра постепенно сужается. Китай уже вышел за рамки роли исключительно экономического партнера, а уровень его вовлеченности в Кыргызстане и Таджикистане достиг той стадии, при которой его присутствие в сфере безопасности становится не временным дополнением, а устойчивым элементом новой региональной реальности.

Последние публикации

Russie.Eurasie.Visions

- [В. Иноземцев, «Смертономика: социальные, политические и экономические издержки войны для России»](#), № 141, февраль 2025.
- [В. Гранцева. и Р Абдрахманов, «Казахстан после двойного шока 2022 года: политические, экономические и военные последствия»](#), № 140, октябрь 2025.
- [М. Ларюэль, «Война как социальный лифт: социально-экономическое влияние российского военного кейнсианства»](#), № 139, июнь 2025.
- [С. Суханкин, «The Caspian Sea as an Emerging Energy Hub: Potentials and Limitations»](#), № 138, Февраль 2025.
- [П. Баев, «Commanders of Putin’s Long War: Purged, Reshuffled and Disgruntled»](#), № 137, Декабрь 2024.
- [И. Дежина, «Россия и новые члены БРИКС. Потенциал и ограничения научно-технического сотрудничества»](#), № 136, Сентябрь 2024.
- [Ф. Видаль, «Россия в Арктике: конец иллюзий и новая геостратегическая реальность»](#), № 135, Август 2024.
- [Б. Ло, «Between Aspiration and Reality: Russia in the World \(Dis\)order»](#), № 134, Июнь 2024.
- [Д. Миник, «La politique russe d’Emmanuel Macron : étapes et racines d’une nouvelle approche, 2017-2024»](#). № 133, Апрель 2024.
- [В. Иноземцев, «Центральная Азия: не упустить исторический шанс»](#), № 132, Декабрь 2023.
- [Р. Жанте, «Georgia: Another Russian Front»](#), № 131, Декабрь 2023.
- [П. Баев, «Russia’s New Challenges in the Baltic/Northern European Theater»](#), № 130, Ноябрь 2023.

Если Вы хотите получать информацию о следующих выпусках, Вы можете оформить бесплатную подписку по адресу: dechapt@ifri.org.

27 rue de la Procession 75740 Paris cedex 15 – France

Ifri.org